

Бродяги Севера

«Казан»

Нужно десять раз родиться, чтобы пережить все, что выпало на долю благородного волка по имени Казан. Имя ему дали люди, потому что в его жилах смешалась кровь безжалостного хищника и собаки. Он узнал подлость и жестокость человека и выбрал волю. Но все же встал один против волчьей стаи, когда смерть грозила беззащитной женщине...

«Бродяги Севера»

Могут ли дружить медведь и собака? Вполне, если судьба свела их совсем еще малышами. Они вместе учились выживать, бороться с врагами, добывать пищу. Но однажды их пути разошлись. Щенок повстречался с людьми. Увидятся ли друзья снова и какой будет эта встреча?

Также в издание вошли произведения «Сын Казана», «Долина Молчаливых Призраков», «Золотая петля».

Джеймс Оливер Кервуд
БРОДЯГИ СЕВЕРА

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Джеймс Оливер Кервуд

Бродяги Севера

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2014

© ООО «РИЦ Литература», составление, вступительная статья,
2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2014

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород,
2014

ISBN 978-966-14-7490-0 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Електронная версия создана по изданию:

Кращі пригодницькі романи знаменитого американського письменника-натураліста і мандрівника Джеймса Олівера Кервуда присвячені тваринам і суворій природі Північної Канади й Аляски, яку автор дуже любив. Під обкладинкою цієї книги зібрано п'ять дивовижних історій про неймовірну дружбу, вірність і мужність: «Бродяги Півночі», «Казан», «Син Казана», «Золота петля», «Долина Мовчазних Примар».

Кервуд Д. О.

КЗ6 Бродяги Севера / Джеймс Оливер Кервуд ; пер. с англ. М. Чехова ; вступ. ст. Н. Дорохиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2014. — 752 с.

ISBN 978-966-14-7035-3 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2906-3 (Россия)

Лучшие приключенческие романы знаменитого американского писателя-натураллиста и путешественника Джеймса Оливера Кервуда посвящены животным и суровой природе Северной Канады и Аляски, которую автор очень любил. Под обложкой этой книги собрано пять удивительных историй о невероятной дружбе, верности и мужестве: «Бродяги Севера», «Казан», «Сын Казана», «Золотая петля», «Долина Молчаливых Призраков».

УДК 821.111

ББК 84.7США

Оригинал-макет подготовлен при участии ООО «РИЦ Литература»

Перевод с английского *М. Чехова*

Вступительная статья *Н. Дорохиной*

Дизайн и иллюстрация на обложке *Юлии Дзекуновой*

«Природа — моя религия»

«Моя прабабушка была дочерью индейца из племени могауков... — писал Джеймс Оливер Кервуд в предисловии одной из своих книг. — Индеец был самым любящим сыном, самым преданным другом, самым верным патриотом своей страны».

Все эти качества в полной мере были присущи и замечательному американскому писателю. Когда мы говорим «Кервуд», перед глазами встает дикая природа и ее обитатели — волки, собаки, медведи.

Кервуд родился 12 июня 1878 года в местечке Оуоссо, затерянном в лесах Мичигана. Его отец, являясь потомком знаменитого английского писателя-мариниста Фредерика Марриета (1792—1848), был сапожником, имел свой магазин. Когда Джеймсу не было и пяти лет, бизнес отца потерпел неудачу, семья переехала на ферму в штате Огайо. Там будущему писателю пришлось заниматься «подбиранием камней»; позже он отмечал, что это время помогло ему «в воспитании характера».

Уже в восьмилетнем возрасте он совершил свою первую вылазку с ружьем в окрестные леса, а в девять попытался сочинить свою первую повесть.

Когда Джеймсу исполнилось тринадцать, семья вернулась в Оуоссо. Мальчишка часто сбегал с уроков, чтобы побродить по лесным дебрям. За это его исключили из школы. Но он не унывал, посвятив себя целиком путешествиям по лесам на берегах Великих Озер. Джеймс пережил немало увлекательных и опасных приключений, добывая пропитание охотой на диких зверей и ночуя под открытым небом.

К двадцати годам впечатления стали переполнять его; появилась потребность изложить их на бумаге. В 1898 году Кервуд поступил в Мичиганский университет и, окончив его, начал работать редактором газеты «Ньюс трибюн» в Детройте.

Однако первый роман Джеймса Оливера Кервуда «Мужество капитана Плюма» вышел в 1908 году, когда автору было уже тридцать. За годы, отпущенные ему судьбой для творческой деятельности, он

написал порядка тридцати повестей и романов. Среди них анималистические («Казан», «Гризли», «Молниеносный», «Бродяги Севера» и другие), приключенческие («Скованные льдом сердца», «Лес в огне», «Старая дорога», «Золотая петля»), исторические («Черный охотник», «На Равнинах Авраама»).

О чем бы ни писал Кервуд, каждая его книга создавалась под непосредственным впечатлением того, что он увидел, услышал, пережил сам. «Я прошел три тысячи миль вверх и вниз по могучему Саскачевану, прежде чем написать «У истоков реки», и если бы не спустился с дикими лесными бригадирами вниз по Атабаске, невольничьей реке, и Маккензи, то не написал бы «Долину Молчаливых Призраков», — вспоминал Кервуд. Он почти непрерывно путешествовал — на лыжах, в каноэ, на собачьих упряжках. Он забирался в самые дикие, нехоженые места. Именно поэтому можно назвать его романы не плодом фантазии, как это нередко бывает у авторов приключенческих книг, а литературой факта, своего рода очерками о жизни девственных лесных дебрей Америки.

«Ему было тридцать пять лет. Половину своей жизни он проводил в диких местах, а все остальное время писал об увиденном» — так Кервуд сказал об одном из своих героев, но эти же слова он мог с полным правом отнести к самому себе.

Некоторые произведения — «Золотая петля», «Серая волчица» — были написаны им в заброшенной хижине в сотнях миль от цивилизации, другие — в перерывах между странствиями, в комнатухе в доме отца в Оуоссо.

Наибольший успех имели его книги о животных, о «братьях наших меньших». «В жизни диких зверей, как и в человеческой жизни, есть свой трагизм, свой особый юмор, свой пафос, — писал он. — Есть множество необыкновенно интересных фактов, действительных событий и действительных персонажей, написать о которых просто необходимо, и вряд ли кому-нибудь нужно, чтобы при этом что-то выдумывали».

Подобные персонажи в «Казане» (1914) — пес с примесью волка и Серая Волчица, в «Бродягах Севера» (1919) — щенок и медвежонок. Их дружба — вроде бы вопреки природе. Но сведенные вместе обстоятельствами, они вырабатывают новые формы поведения. Они становятся необходимыми друг другу, потому что иначе могут

погибнуть, а инстинкт самосохранения у животных — один из основных. Поэтому они так бережно, так верно дружат. Урок и для нас, людей: не вражда, а дружба помогает жить.

«В «Казане», — пишет автор в предисловии, — я пытался изобразить ту пору моей жизни на Севере, когда мне довелось близко узнать собак». Возможно, помня о своем «смешанном» происхождении, писатель в этой книге дает почувствовать мучительную раздвоенность своего четвероногого героя — полусобаки-полуволка. Волчьи инстинкты подавляются, когда Казан живет у добрых и заботливых людей, но если его доверие к человеку обмануто — в животном просыпаются ярость и ненависть. А как трогательны отношения благородного Казана и Серой Волчицы! И чего стоит совершенно логичный отказ от драки собак, не желающих потакать людям, жаждущим жестокого зрелища...

Бари, сын Казана и Серой Волчицы, стал героем другого романа, написанного Кервудом три года спустя. Что ждет беспомощного волчонка, который покинул уютное родительское логово? Когти полярной совы или тяжелые копыта огромного лося? Но если в его жилах есть собачья кровь, он будет хитер, упорен и изворотлив. А волчья натура даст ему ярость бойца и неисчерпаемую выносливость. Таков он, главный герой книги «Сын Казана». Однако главным предназначением Бари становится преданность и служба хозяину, которого он выбрал себе сам.

«Бродяги Севера» — история о том, как медвежонок Нива и щенок Мики скитались по дикому лесу. Они покинули человека, своего хозяина, по воле случая: подравшись, малыши выпали из челнока в бурную реку. Связанные одной веревкой, они смогли спастись, а выбравшись на берег, вдвоем отправились куда глаза глядят... Книга полна описаний природы, повадок животных. Причем звери не очеловечиваются, их действия кажутся предельно естественными, что никак не мешает читателю всерьез переживать за них.

В «Молниеносном» («Быстрой Молнии») (1926) перед нами предстает полярный волк, в числе предков которого двадцать поколений назад был огромный дог Скаген. Сейчас мы бы сказали: у Молниеносного проявились собачьи гены. Кервуд называл это проявление атавизмом. Толика собачьей крови помогает Молниеносному стать вожаком стаи волков. Благодаря ей же он

выбирает себе в подруги шотландскую овчарку по кличке Светлячок, у которой умер хозяин и которая сбежала с корабля, затертого льдами. Но живется ему нелегко. «Волчий инстинкт заставлял Молниеносного опасаться и избегать людей, дух Скагена наполнял его тоской и стремлением к дружбе с ними... — пишет Кервуд. — Как среди людей бывают «рожденные не вовремя» или «прирожденные неудачники», так и Молниеносный не был предназначен для того мира, частью которого он являлся». На долю Молниеносного и его подруги выпадает немало тяжелых испытаний...

Анималистические произведения занимают главное место в творчестве Кервуда. Писатель рассказывает об удивительном мире зверей, неведомом многим из нас. А еще — о довольно сложных отношениях человека и животных. Последние не знают условностей «нашего» мира, они моментально реагируют на фальшь и доверяют лишь тем людям, чьи души открыты им, в чьих сердцах — доброта и понимание.

Прежде чем написать «Бродяг Севера», Кервуд три года прожил в окружении своих лесных друзей, изучая их жизнь, их поведение, их психику. Кстати, психика животных с древности вызывала интерес у философов и натуралистов, но ее систематическое изучение началось в конце XIX века с появлением зоопсихологии. Так что Кервуд творил вполне в русле современной ему науки.

В создании книг о животных писатель видел особое предназначение: на свои былые охотничьи «подвиги» он смотрел уже как на преступления и своими произведениями желал хотя бы отчасти искупить нанесенный природе ущерб. Вероятно, это идет тоже от предков-индейцев, которые, убив животное, высказывали ему уважение и просили у него прощения.

Но так или иначе, Кервуд выступает в своих книгах прежде всего с «исповедью человека, который много лет охотился и бил зверя, прежде чем ему открылось, что дебри могут предоставить более захватывающее развлечение, чем убийство». И выражал надежду, что написанное им, «возможно, заставит и других почувствовать и понять, что больше всего охота захватывает не тогда, когда бьешь зверя, а когда оставляешь ему жизнь».

В «Казане» молодой зоолог Поль Уэймен, собирающий материал для своего исследования «Разум диких животных», не расстается с

фотоаппаратом, а его единственное оружие — перочинный нож.

Охотник Чэллонер из романа «Бродяги Севера» убивает зверей ради продажи их шкур. Он делает это скорее по необходимости, чем из-за азарта. И медведицу он выслеживает для того, чтобы пополнить запас мяса и жира, без которых не выжить в суровых условиях. Но... жалобный, трогательный крик осиротевшего медвежонка вызывает у охотника «такое ощущение, словно он совершил преступление». Забрав малыша с собой, Чэллонер пытается объяснить ему, что жалеет о случившемся....

Во времена Кервуда уже существовало понятие «экология», хотя и не в том значении, в котором используем его мы в XXI веке. В 1866 году немецкий естествоиспытатель Э. Геккель обозначил им науку о местообитании. Сейчас это слово имеет гораздо более глубокий смысл: экология — это наука о взаимодействии живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой. Испытания различных видов оружия, техногенные аварии — Чернобыль, Фукусима, разлив нефти в Мексиканском заливе — никого не оставляют равнодушными. Охрана природы — и в широком, и в узком смысле слова — становится делом всего человечества. Все чаще говорится о том, что в защите нуждаются не только редкие, но и вообще все виды животных.

Об огромных медведях гризли и северных оленях (карибу, как их называют в Америке) Кервуд в начале XX века писал как о самых распространенных зверях. Действительно, гризли когда-то обитали от северных окраин Американского континента до Техаса, а теперь в дикой природе встречаются лишь на Аляске и на западе Канады; есть они и в национальных парках США. Популяция этих медведей сильно сократилась к 1920-м годам — их истребляли фермеры, чтобы защитить от них домашний скот. В 1970-х годах гризли были под угрозой исчезновения. Но в результате принятых мер по их охране сейчас они местами настолько размножились, что на них разрешена сезонная охота.

А вот подвид северного оленя — лесному карибу повезло меньше. Эти животные населяли таежные районы Северной Америки от Аляски до Ньюфаундленда и Лабрадора. Теперь их ареал значительно сократился, лесные карибу могут исчезнуть.

Произведения Кервуда естественно включаются в современные дискуссии о нравственных аспектах охоты, которые направлены на изменение общественного сознания.

В «Золотой петле», написанной Кервудом в 1921 году, животные занимают не последнее место в числе персонажей, но главными героями здесь все же являются люди. Правда, одного из них — Брэма Джонсона — многие окружающие считают оборотнем, человеком-волком. Среди его предков — англичане, индейцы, эскимосы, и потому его внешность необычна: скуластое лицо, приплюснутый нос — и белая кожа, светлые волосы, большие глаза. Друзей и семью Брэму Джонсону заменили двадцать прирученных волков; они помогают ему охотиться, защищают от врагов; на волчьей упряжке он разъезжает по бескрайним северным просторам. За совершенные преступления Брэма разыскивает полиция. На одной из его стоянок обнаруживается силок для ловли кроликов, сплетенный из прекрасных золотистых женских волос. Кто эта женщина? Жена Брэма, его пленница? Полицейский Филипп Брант бросается в погоню за человеком-волком...

Действие всех произведений Кервуда разворачивается на севере Американского континента. Его герои — охотники, золотоискатели, полицейские, преступники — живут в суровых условиях, вполне понятных русскому читателю. В жесткой борьбе этим людям приходится отстаивать свое право на любовь, счастье, доброе имя, а порой — и на жизнь. Их мужественные характеры — под стать суровой дикой природе...

Часть литературоведов считает Кервуда американским писателем, другая часть — канадским. Ситуация — почти как у нас с Гоголем! В отношении Кервуда это становится объяснимым, когда знакомишься с его историческими романами, стоящими несколько особняком в его творчестве, — «Черный охотник» и «На Равнинах Авраама». Их действие происходит в середине XVIII века, в период формирования и становления канадцев как нации.

К 1922 году благодаря значительным тиражам и популярности своих книг писатель стал довольно состоятельным человеком. Он воплотил свою детскую мечту, возведя в Оуоссо Замок Кервудов — во французском стиле XVIII века. Он приобрел также участок земли в

одной из деревень возле Гудзонских гор и еще один — в мичиганской глуши.

Со временем Кервуд не только на страницах своих произведений, но и в жизни стал активным защитником природы — в частности, боролся за сокращение сезона охоты, а с 1926 года участвовал в работе Мичиганской комиссии по защите окружающей среды.

Кервуд был женат дважды.

В первом браке с Корой Леон Джонсон у него родились две дочери — Шарлотта и Виола, но супруга не выдержала сложностей семейной жизни, частых путешествий Джеймса Оливера, и брак распался. Виола после развода осталась с бывшей женой. На одном из своих произведений Кервуд написал посвящение: «Шарлотте, которая со мной, и Виоле, которая будет со мной, с любовью я посвящаю эту книгу».

В 1929 году Виола, будучи летчицей, вышла замуж за авиатора, жила в Голливуде. Умерла она от продолжительной болезни в 1940 году.

Вторая жена писателя — Этель Гринвуд — родила сына, Джеймса Кервуда-младшего, который в мае 1930 года погиб в авиакатастрофе над аэродромом Оуоссо. В местной печати сообщалось, что 19-летний Кервуд-младший скончался после того, как управляемый им биплан врезался в дерево при заходе на посадку. Двое его пассажиров получили тяжелые ранения, но выжили. Причиной аварии стал алкоголь...

Этель была преданной супругой и даже прожила вместе с Кервудом целых девять месяцев в глуши канадского леса, в одной из выстроенных мужем бревенчатых хижин. Она активно помогала ему в творческой деятельности и даже написала значительную часть незаконченного Джеймсом романа «Зеленый лес».

Смерть настигла Кервуда во время работы над этим произведением. На рыбалке во время поездки во Флориду он был укушен ядовитым пауком. У писателя началась сильная аллергическая реакция. Здоровье его так и не восстановилось. Он умер от заражения крови 13 августа 1927 года в своем Замке, в родном Оуоссо.

Кервуда похоронили в Оук Хилл (Дубовые Холмы), штат Мичиган; сейчас там находится музей замечательного писателя. Его именем

названа гора в Мичигане. Ежегодно в первый выходной июня в Оуоссо организуется фестиваль Кервуда, основанный его потомками.

При жизни Джеймс Оливер Кервуд так определил свое литературное кредо: «Природа — моя религия. И цель всей моей жизни, мое самое заветное желание — дать читателям услышать биение ее сердца. Я люблю природу и верю, что они тоже полюбят ее, если мне удастся познакомить их с моими книгами». Мечта писателя сбылась: его произведения оставили неизгладимый след в душах миллионов людей.

Наталья Дорохина

Бродяги Севера

Глава I

Уже март был на исходе, когда черный медвежонок Нива в первый раз увидел свет. Его мать Нузак была уже старой медведицей и, как большинство пожилых существ, страдала ревматизмом и любила долго поспать. Поэтому, вместо того чтобы провести эту зиму, в которую у нее родился Нива, в самой обычной спячке в течение всего только трех месяцев, она провела в ней целых четыре, и Нива, который получил от нее жизнь именно во время этой глубокой спячки, выполз из берлоги почти двухмесячным медвежонком вместо того, чтобы быть всего только шестинедельным.

Чтобы выбрать себе для спячки берлогу, Нузак взобралась в пещеру на самой вершине голого горного кряжа, — и отсюда-то Нива и увидел в первый раз под собой долину. В первую минуту, выйдя из темноты на яркий солнечный свет, он даже ослеп. Он слышал, обонял и чувствовал около себя много кой-чего интересного, но видеть не мог. А Нузак, точно в удивлении от того, что вместо холода и снега ее окружили вдруг свет и теплота, несколько минут стояла неподвижно и только нюхала воздух и оглядывала свои владения.

В какие-нибудь две недели ранняя весна уже развернула в переменах свои чудеса в этой удивительной северной стране между реками Джексон и Шаматтава и с севера на юг между озерами Год и Черчилл.

Перед медведями открылась очаровательная картина. С высокого остроконечного утеса, на котором они стояли, все казалось точно залитым целым морем солнечного света, и только там и сям виднелись небольшие полянки белевшего снега в тех глубоких местах, куда его

надуло ветром за зиму. Горный кряж подымался прямо с долины. Со всех сторон, насколько мог видеть человеческий глаз, виднелись темно-синие пятна лесов, сверкали еще не совсем растаявшие озера, отражали от себя солнечный свет ручейки и речки, и зеленые открытые пространства посылали от себя весенние ароматы. Эти запахи, точно что-то возрождающее, втекали старой медведице прямо в ноздри. Там, глубоко внизу, на земле, уже пробуждалась жизнь. Надулись почки у тополей и уж готовы были лопаться; трава выбрасывала нежные, душистые былинки; по стволам стал подниматься сок; подснежники и голубые перелески уже выглянули на солнечный свет и стали приглашать к себе на праздник Нузак и Ниву. И все это Нузак обоняла с опытностью и знанием уже минувших двадцати лет своей жизни — и сладостный аромат еловой и сосновой хвои, и сырой нежный запах от корешков водяных лилий и от лопавшихся пузырей на поверхности оттаивающего болота и у самой подошвы кряжа; и над всеми этими запахами — запах самой земли, претворяющей все индивидуальные ароматы в один общий, великий поток жизни!

И Нива тоже обонял их. Его маленькое тело, все застывшее от удивления, в первое время дрожало, как лист, от зашевелившейся в нем жизни. Какие-нибудь минуты тому назад, выйдя из темноты, он вдруг увидел себя в такой сказочной стране, какая ему даже и не снилась. И в эти самые минуты над ним вдруг заработала природа. Сознания еще не было, но инстинкт уже зашевелился в нем. Он знал, что все это было его, что солнце и тепло было именно для него и что все, что было на земле прекрасного, было дано в удел ему. Он поводит по воздуху своим черным носиком, вдохнул в себя воздух и вдруг осознал остроту всего, что было прекрасно и чего следовало ему желать. И в то же время он прислушивался. Он насторожил вперед свои остроконечные ушки, и в них стал втекать шорох пробуждавшейся земли. Даже стебельки травы несли в них свою песню радости, потому что все в этой залитой солнцем долине гудело зеленым весенним шумом мирного края, еще не тронутого людьми. Повсюду звонко шумели ручьи бежавшей воды, и Нива слышал странные звуки, в которых сразу же почуял жизнь: щебетанье каменного воробья, серебристые ноты песенки черногрудого дрозда внизу на болоте, звонкий, торжествующий гимн ярко изукрашенной

канадской сойки, разыскивавшей себе поудобнее местечко для гнездовья в бархатной бальзамической траве. А затем вверху над его головой вдруг раздался жалобный крик, заставивший его вздрогнуть. Тот же инстинкт подсказал ему, что этот крик сулит ему опасность. Нузак оглянулась и увидела тень от большого орла, который пролетал между землей и солнцем. Нива тоже увидел эту тень и в страхе прижался к матери.

И сама Нузак, такая старуха, что не досчитывалась уже и половины своих зубов, и такая уже одряхлевшая, что в холодные, ветреные ночи у нее болели все ее кости и стали уже слабыми глаза, как ни была стара, а все-таки с возраставшей радостью глядела на то, что расстилалось у ее ног. Ее взор блуждал по этой долине, среди которой оба они проснулись. Там, далеко, за стенами леса, за самым отдаленным озером, за реками и за долами, тянулись безграничные пространства, которые составляли ее дом. До нее донесся неуловимый звук, которого не постиг еще Нива, почти не усваиваемый ухом рокот громадного водопада. Это был рокот от тысяч ручейков оттаявшей воды и от мягкого дыхания ветра сквозь хвою и траву, которые весенней музыкой прыскали в воздух.

Затем она глубоко вздохнула во всю свою грудь и, побуждая ворчаньем Ниву, стала осторожно спускаться с ним между скал к подошве кряжа.

На золотой равнине оказалось еще теплее, чем было на вершине гребня. Нузак отправилась прямо к краю трясины. Несколько птиц с громким хлопаньем крыльев вылетело из нее при их появлении, и это заставило Ниву испытать страх. Но Нузак не обратила на них внимания. Лягушка заявила громогласный протест против неожиданного появления Нузак и продолжала его затем громким кваканьем, от которого на спине у Нивы поднималась шерсть. Но Нузак и на это не обратила ровно никакого внимания. Нива заметил и это. Он все время следил за матерью, и инстинкт уже подготовил его ноги к тому, чтобы тотчас же бежать во всю прыть, как только она подаст ему для этого сигнал. В его забавной маленькой голове очень быстро создалось убеждение, что его мать представляла собою самое замечательное в мире создание. Судя по всему, она была самым большим живым существом, по крайней мере из всех тех, которые были снабжены ногами и двигались. Он убедился в этом в какие-

нибудь две минуты, пока они проходили через болото. Здесь вдруг послышалось фырканье, раздался треск ломавшегося прошлогоднего камыша и, шлепая по колено в грязи, вдруг появился громадный лось, раза в четыре больше, чем сама Нузак, и при виде ее тотчас же обратился в бегство. Нива вытаращил глаза. Все-таки и на него Нузак тоже не обратила ровно никакого внимания!

Тогда и сам Нива сморщил свой крошечный носик и заворчал, точь-в-точь так, как он ворчал на уши и шерсть Нузак и на те палки, на которые натыкался в темноте берлоги. Он сразу все отлично понял. Теперь он мог ворчать на все, на что бы только ни пожелал, как бы велико ростом ни было это все. Ведь это все убегало прочь при одном появлении его матери Нузак.

И весь этот первый яркий день прошел для Нивы в одних только открытиях, и с каждым часом он все более и более убеждался, что его мать была непререкаемой владычицей во всех этих новых для него и залитых солнцем местах.

Нузак была заботливой матерью и на своем веку дала жизнь уже двенадцати или пятнадцати поколениям медведей, а потому знала, что в этот первый день нужно было ходить как можно меньше, чтобы дать ножкам Нивы немного окрепнуть. Потому-то она и не задерживалась долго даже на этой мягкой трясине, а решила зайти по пути в ближайшую группу деревьев, где обыкновенно она ломала своими лапами у сосен сучья, чтобы добыть из-под их коры вкусный, липкий сок. После целого пиршества, состоявшего из разных корешков и луковичных растений, Ниве понравился этот десерт, и сам он, в свою очередь, попытался сдирать коготками кору с деревьев. До самого полудня Нузак все ела и ела, до тех пор, пока не оттопырились у нее бока, а Нива, со своей стороны, то пососав материнского молока, а то покушав разных странных, но вкусных вещей, попадавшихся им по пути, не стал походить на барабан. Выбрав затем местечко, где от косых лучей солнца белая скала нагрелась так, точно печка, старая, обленившаяся Нузак прилегла отдохнуть, в то время как Нива, предоставленный самому себе, наткнулся вдруг в своих поисках приключений на яростного врага.

Это был громадный древесный жук-рогач в два дюйма длины. Его рога, которые он выставил спереди, были черны и походили на изогнутые железные гвозди. Он был весь совершенно черного цвета, и

его точно выкованная из металла поверхность ярко сверкала на солнце. Нива лег на живот и с замиранием сердца стал следить, что он будет делать. Для него оказалось удивительнее всего то, что этот жук, находившийся от него на расстоянии всего только в какой-нибудь один фут, все-таки продолжал к нему приближаться! Это было и любопытно и в то же время и страшно. Первое за весь день живое существо, которое не испугалось и не убежало прочь! Медленно придвигаясь на своих шести ногах, жук издал дребезжащий звук, который Нива отлично слышал; затем Нива нерешительно протянул к нему лапу. Тотчас же жук ошкетинился и принял яростный вид. Его крылья зашевелились и загудели, точно пропеллер, клещи разжались так, что могли бы легко прищемить человеческий палец, и сам он стал вертеться на ногах, точно пустился в пляс. Нива отдернул лапу назад, и секунды две спустя жук успокоился и все-таки снова двинулся вперед.

Нива, конечно, не знал того, что все поле зрения жука ограничивалось всего только четырьмя дюймами в окружности и что далее этого он уже не видал; положение все-таки оставалось вызывающим. Но Нива был не таков, чтобы бежать от врага, даже несмотря на свой девятинедельный возраст. С отчаянным видом он снова вытянул лапу вперед, но, к несчастью, один из его тоненьких коготков нечаянно зацепился за жука и перевернул его вверх ногами так, что тот уже не смог ни жужжать, ни гудеть. Великая радость обуюла медвежонка. Дюйм за дюймом он стал приближать свою лапу к самой своей мордочке и делал это до тех пор, пока наконец не дотащил жука до самых своих зубов. Но здесь ему захотелось его понюхать. Это было для жука счастливым моментом. Его клещи сжались, и сон старой Нузак прервался от внезапного крика агонии. Когда она подняла голову, то Нива катался по земле, точно с ним случился припадок. Он фыркал, чихал и отплевывался. Нузак некоторое время пристально смотрела на него, а затем медленно поднялась и подошла к нему. Своею большой лапой она стала переворачивать его то так, то этак и вдруг увидела на нем жука, который крепко и решительно вцепился своими клещами ее детенышу прямо в нос. Тогда она повалила Ниву на бок так, чтобы он не мог больше двигаться, и стала медленно сдавливать жука меж двух зубов, пока наконец он не разжал своих клещей. А затем она его съела.

До самых сумерек Нива носился со своим раненым носом. А перед тем, как стемнело совсем, Нузак заковыляла обратно к своей скале, и Нива пососал на ночь ее молока. Потом он угнездился ей под мышку, где оказалось очень тепло. Несмотря на все еще болевший нос, он чувствовал себя счастливым и к концу своего первого дня уже считал себя храбрецом, не боявшимся ничего, хотя ему и было всего только девять недель. Он вступил в свет, он видел много диковинных вещей и если и не остался в конце концов победителем, то все-таки великолепно провел свой первый день.

Глава II

В эту ночь у Нивы сильно разболелся живот. Вообразите себе младенца, только что отнятого от груди, который сразу же обожрался жареным мясом! То же случилось и с Нивой. По-настоящему ему следовало бы постепенно привыкать к грубой пище, по крайней мере с конца второго месяца, но в процессе интенсивного воспитания природа, казалось, сразу же принялась подготавливать его к великой и неравной борьбе, которая в недалеком будущем ожидала его впереди. Целые часы он простонал и проплакал, пока наконец Нузак не надавила ему своим носом на вздувшийся живот и его не вырвало тем, что было в нем лишнего. И ему стало легче.

После этого он заснул. Когда же он проснулся и открыл глаза, то его поразило яркое зарево пожара. Вчера он видел солнце, ярко блестящее и золотое и затем куда-то скрывшееся. Но теперь, в это северное весеннее утро, он в первый раз в жизни увидел, как что-то вспыхнуло на самом краю света. Зарево было красно как кровь, и по мере того, как он глядел на него, оно все росло и расширялось, пока наконец не охватило целой половины неба и не выполз вдруг какой-то странный, громадный шар. В первую минуту Ниве показалось, что это какое-то чудовище, которое плыло из-за леса прямо на него, и он испугался и с визгом стал будить свою мать. Что бы это ни было, Нузак все равно не испугалась бы. Она повернула свою большую голову к солнцу и, прищурившись, с торжественным спокойствием стала наслаждаться. Тогда и Нива стал чувствовать удовольствие от теплоты, исходившей от этого красного предмета, и, несмотря на все

еще продолжавшееся первое возбуждение, вдруг замурлыкал от его ласки. Из красного солнце скоро превратилось в золотое, и вся долина сразу же преобразилась и зажила теплой, трепетной жизнью.

Около двух недель после этого первого в жизни Нивы восхода солнца Нузак оставалась вблизи своих скал и находившегося внизу болота. А затем наступил день, когда Ниве исполнилось одиннадцать недель, и он уже стал забегать в далекие темные леса и наконец готов был начать свои летние скитания. Его подошвы уже потеряли свою нежность, и он весил теперь уже целых шесть фунтов. Это было очень хорошо.

С того дня как Нузак отправилась наконец в свои скитания, для Нивы начались настоящие приключения. В темных таинственных глубинах лесов еще оставались залежи снега, которые еще не успело растопить солнце, и Нива скучал и плакал по теплой и светлой долине. Они прошли мимо водопада; и Нива впервые услышал рев низвергавшейся воды. Все глубже, темнее и угрюмее становился лес по мере того, как в него проникала Нузак. Здесь-то Нива и получил свои первые уроки по охоте. Дни шли за днями, и живые существа все пробуждались и выползали из-под повалившихся деревьев и из щелей в камнях, и Нива уже сам лично, без помощи матери, понял весь трепет и все возбуждение, которые вызывала в нем охота. Он опять встретил жука-рогача, но на этот раз уже убил его. Покончил он и с лесной мышью, впервые попавшейся ему по дороге. В нем очень быстро стали пробуждаться инстинкты его отца, который находился теперь в третьей или четвертой долине к северу от них и который никогда не упускал случая вступить с кем-нибудь в борьбу. К концу мая, то есть на четвертом месяце своей жизни, Нива уже ел все, что только мог убить такой медвежонок, как он.

Это было в начале июня, когда неожиданный случай вдруг сразу внес в жизнь Нивы радикальную перемену. Был теплый, мягкий, солнечный день, и старая Нузак сочла себя вправе после сытной еды поваляться некоторое время на солнце. Они только что вышли из невысокого леса и спустились на луг, через который, извиваясь между каменистыми берегами, тек по белому песочку неглубокий, быстрый ручей. Нива же спать был не охотник. Он всегда предпочитал сну наслаждение ярким полуденным солнцем. Маленькими круглыми глазками он озирался по сторонам на этот удивительный мир, и ему

казалось, что все в нем манило его к себе. Он оглядывался на свою мать и жалобно повизгивал: опыт говорил ему, что она будет оставаться глухой ко всему внешнему миру целые часы, пока наконец он не потеряет терпения и не укусит ее за ногу или не потреплет за ухо, и только тогда она вскочит и только затем, чтобы на него огрызнуться. Ему это уже надоело. Ему хотелось чего-нибудь более интересного, и он решил предаться своим приключениям самостоятельно.

В этот же самый день, когда уже садилось солнце, какой-то человек, стоя на коленях и упершись руками в землю, исследовал полосы песка, протянувшиеся на целые пять или шесть миль вдоль ручья. Рукава у него были засучены кверху, обнажая до половины загоревшие руки, и голова была непокрыта, так что вечерний ветерок развеивал его лохматые белокурые волосы, которые вот уже восемь или девять месяцев не видали ножниц и подстригались только охотничьим ножом.

По одну сторону этого индивидуума стояло железное ведро, а по другую, следя с величайшим интересом за каждым его движением, сидел самый неуклюжий и самый ласковейший щенок, который когда-либо рождался от отца макензийской породы и от матери-полукровки из эрдельской и шпицбергенской пород.

С этой трагической смесью в своей крови щенок представлял собою только то, что принято называть «настоящей собакой». Его вытянутый по песку хвост был длинен и показывал все свои позвонки; его лапы, точно ступни у мальчишки-подростка, были похожи на маленькие перчатки для бокса; его голова была в три раза больше, чем это полагалось бы соразмерно его телу, и, по какой-то случайной прихоти матери-природы, одно ухо у него было вдвое короче другого. Когда он следил за своим хозяином, то это половинное ухо торчало, точно гальванизированная кожа, тогда как другое, вдвое длиннее его, наострялось вперед с глубочайшим вниманием и с самым пытливым интересом. Голова, ноги и хвост были у него чисто макензийской породы, а уши и худощавое, короткошерстное тело говорили о тяжелой борьбе между эрдельской и шпицбергенской породами. В своем теперешнем негармоническом виде он представлял собою самого обычного щенка, какие обыкновенно бегают по задним аллеям парков в больших городах.

За несколько минут подряд его хозяин заговорил только в первый раз, и Мики всем своим существом показал, как он высоко ценит то, что его слова были обращены именно к нему.

— А здесь медведица и медвежонок! — воскликнул хозяин. — Это верно так же, как и то, Мики, что ты еще молокосос. И если я еще хоть что-нибудь понимаю в медведях, то будь уверен, что они прохаживались здесь только сегодня!

Он поднялся на ноги и стал наблюдать за тем, как глубокие тени уже стали окутывать лес. Затем он наполнил ведро водой. На несколько секунд последние лучи солнца осветили его лицо. Это было энергичное, полное надежд лицо. Оно пылало от радости жизни. И сейчас оно зажглось внезапным вдохновением, и глаза человека засверкали.

— Мики, — продолжал он, — за то, что ты такая еще неотшлифованная сокровищница добродушия и красоты, я отвезу твою дурацкую персону в подарок одной девице и знаю, что она за оба эти качества тебя полюбит. Только бы вот захватить с собою и этого медвежонка!..

Он стал насвистывать и, взяв ведро с водой, направился к зеленому лужку, находившемуся от него ярдах в ста.

За ним последовал по пятам и Мики.

Чаллонер, только недавно назначенный фактором от Великой Компании Гудзонова залива, расположился лагерем на берегу озера при самом впадении в него ручья, содержавшего золотой песок. Для этого ему понадобилось немного: старая палаша, еще более изношенная лодка и пук соломы для подстилки. Но для человека чуткого к внешнему виду лесов и к массе звуков, исходящих от них, с первого же проблеска рассвета повсюду открываются целые тома жизни. Это был представитель той расы людей, которые безбоязненно отправляются хоть на самый край света. Все его богатство составляло то, что было в нем и на нем. В этих остатках от его лодки и палатки, прошедших с ним в течение годовой борьбы за существование сквозь огни и воды и медные трубы, было для него что-то дружески-человеческое. Вся лодка была покороблена, избита и заплатана, его палатка так почернела от дыма и ветров, что была такого цвета, как копченая рыба, а его запасы провизии уже давно пришли к концу.

Над небольшим костром уже кипело содержимое его чайника и кастрюли, когда он вернулся к себе вместе с Мики, который неотступно бежал следом за ним; на угольях стояла треснувшая, но починенная сковорода, на которой уже зарумянились лепешки на муке с водой. В чайнике кипел кофе, а в кастрюле варилась рыба.

Мики угловато присел на задние ноги с таким расчетом, чтобы запах от рыбы тянул ему прямо в нос. Он нашел, что это было именно то, чего бы он с удовольствием теперь поел. Когда он следил за последними приготовлениями Чаллонера, готовившегося приняться за еду, то его глаза светились как два граната, и после каждого третьего или четвертого дыхания он облизывался и проглатывал слюну. Отсюда-то он и получил свою кличку. Он был вечно голоден и всегда был готов есть, как бы сыт ни был. Поэтому ему и дано было имя Мики, что значит барабан.

Поев рыбы и лепешек, Чаллонер закурил трубку и наконец высказал то, что у него было на уме.

— Завтра я пойду на медведя, — сказал он.

Прикорнув у потухавшего костра, Мики застучал о землю хвостом, точно это была палка, а не хвост, чтобы доказать этим, что он слушает.

— Я повезу тебя к девице вместе с медвежонком. Она с ума сойдет от радости.

Мики застучал хвостом еще чаще прежнего. «Отлично!» — казалось, хотел он ответить.

— Только подумать, — продолжал Чаллонер, глядя поверх головы Мики на целую тысячу миль вперед. — Целых четырнадцать месяцев — и вдруг мы возвращаемся с тобой к людям! Я повезу тебя и медвежонка одной девице в подарок. Что ты на это скажешь? Ты и понятия не имеешь, как она любит таких маленьких дьяволят, как ты, иначе ты не смотрел бы на меня таким дураком! И не твоей глупой башке понимать, что это за девушка! Видишь этот солнечный закат? Так она лучше его, на то она и моя избранница. О чем бы еще поговорить, Мики? Впрочем, больше не о чем; давай-ка лучше помолимся, да и на боковую!

Чаллонер встал и потянулся... Все суставы в нем захрустели. Он почувствовал в себе гигантскую силу.

А Мики, до сих пор все еще барабанивший хвостом, вскочил на лапы, побежал за хозяином и спрятался к нему под одеяло.

Глава III

Чуть-чуть брезжило раннее серенькое летнее утро, когда поднялся Чаллонер и развел огонь. Несколько позже вышел и Мики. Хозяин обвязал один конец веревки, оторванной от палатки, вокруг его шеи, а за другой привязал его к дереву. Другую веревку такой же длины он прикрепил к углам мешка из-под съестных припасов, так что его можно было перекинуть через плечо, как охотничий сак. Едва только стал алеть восток, как он уже был готов отправиться по следам Нивы и его матери. Поняв, что его не захотели взять с собой, Мики жалобно завыл, и когда Чаллонер обернулся назад, то увидел, что щенок бился на привязи и прыгал, как паяц, которого дергали за ниточки. Пройдя целую четверть мили вдоль ручья, он все еще мог слышать, как Мики громко и визгливо высказывал свой протест.

Чаллонер так рано начал свой день не из-за одного только личного удовольствия и не потому только, что ему хотелось увезти медвежонка вместе с Мики. Он нуждался в мясе, а в эту пору медвежатина была наиболее питательной; кроме того, у него не хватало уже жиров. Если бы ему удалось прикончить эту медведицу, то этим самым сократилось бы время для того, чтобы поскорее вернуться к цивилизации. Было уже восемь часов, когда он безошибочно набрел на свежие следы Нузак и Нивы. Это было на том месте, где Нузак четыре или пять дней тому назад ловила рыбу и куда они только вчера приходили еще раз, чтобы отдохнуть после еды. Чаллонер был в восторге. Теперь он был уверен, что найдет эту парочку где-нибудь около ручья и не на далеком расстоянии. Ветер был для него благоприятен, и с громадными предосторожностями и с ружьем наготове он стал продвигаться вперед. Он прошел спокойно и уверенно около часа, прислушиваясь к каждому звуку и движению и то и дело смачивая себе палец, чтобы уследить, не переменял ли направление ветер. Кроме того, не все ведь зависело и от воли самого человека. Но все сложилось в пользу Чаллонера.

В широкой плоской части долины, где ручей разбивался на несколько маленьких рукавов и вода текла между песчаными отмелями и каменистыми грядами, Нива и его мать не спеша ловили себе на

завтрак раков. Никогда еще мир не казался Ниве таким прекрасным, как теперь. Его мягкая шерсть на спине сделалась от солнца нежною, как пух, точно у мурлыкавшего котенка. Он с удовольствием пошлепывал голыми ступнями по влажному песку, и ему нравилось, когда вода с плеском ударялась об его пятки. Он любил все звуки, раздававшиеся вокруг него: дыхание ветерка, шепот в вершинах сосен и кедров, журчание воды, попискивания кроликов в камнях и крики птиц; но более всего на свете он любил низкие, ласковые поварчивания своей матери.

Вот на этой-то согретой солнцем равнине Нузак и почувяла первые признаки надвигавшейся беды. При внезапном дуновении ветерка до нее донесся запах человека!

Она тотчас же повернула к скалам. У нее еще до сих пор был на плечах глубокий рубец, который несколько лет тому назад она получила точь-в-точь при таком же запахе врага, которого она так теперь опасалась. Целые три года она не обоняла его и даже почти забыла о его существовании. И вот вдруг опять он, теплый и страшный, донесся до нее вместе с дыханием ветерка и заставил ее остолбенеть. Казалось, что и Нива тоже в эту минуту почувял близость грозившей опасности. Он остановился как вкопанный черным пятнышком на белом песке, всего только в двухстах шагах от Чаллонера, вперив взоры в мать, и его чуткий носик старался понять значение опасности, которую доносил до него ветер.

А затем случилось то, чего он еще ни разу в жизни не слышал: раздался оглушительный, потрясающий гул, что-то похожее на гром, но вовсе не гром; и он увидел, что его мать зашаталась на том месте, где стояла, и затем тотчас же припала на передние лапы.

Но уже в следующий за тем момент она поднялась с таким диким рычаньем, какого он от нее не слышал и в котором он понял для себя приказ спастись во что бы то ни стало.

Как и все матери, которым дано в удел самим нянчить и любить своих детей, Нузак прежде всего подумала о Ниве. Дотянув до него лапу, она угостила его шлепком, и Нива тотчас же со всех ног пустился искать убежища в ближайшем лесу. Нузак последовала за ним. Раздался второй выстрел, и как раз над ее головой с ужасным, визгливым звуком пролетела пуля. Но Нузак не торопилась. Она плелась позади Нивы, все время подгоняла его и как будто не

чувствовала той адской боли, которую пуля, точно раскаленное докрасна железо, причиняла ей в паху. Они добрались наконец до опушки леса, когда Чаллонер послал ей вдогонку третий выстрел, на этот раз поразивший ее между передних ног.

Еще один момент — и медведи находились уже под защитой леса. Инстинкт заставил Ниву забраться в самую глушь, а позади него, все еще борясь со смертью и стараясь его прикрыть собою, шла за ним Нузак. Ее мозг стала завлакивать какая-то глубокая, непроницаемая тень, что-то такое, от чего глаза ее вдруг перестали видеть, и она поняла из этого, что ее жизненный путь уже приходит к концу. Прожив целые двадцать лет на свете, она теперь боролась из-за своих последних двадцати секунд. Она оставила Ниву около густого кедра и, как делала неоднократно и раньше, приказала ему на него взлезть. И тут-то, точно желая приласкать его в последний раз, она лизнула его горячим языком. А затем приготовилась к своей последней борьбе.

Увидев приблизившегося Чаллонера, она поднялась на дыбы и еще за пятьдесят шагов от кедра остановилась и стала его поджидать, все-таки повалив голову между плеч и тяжело дыша, а ее глаза угасали все более и более, пока наконец, испустив глубокий вздох, она не повалилась вдруг на землю, загородив собою дорогу своему врагу.

Когда Чаллонер подошел к ней, то она была уже мертва.

Со своего укромного местечка в самой густоте кедра Нива наблюдал за этой первой трагедией в его жизни и за тем, как приближался к нему человек. Вид двуногого зверя заставил его забраться еще глубже в хвою, и сердце забилося в нем от охватившего его ужаса. Он рассуждать не мог. То, что с ним случилось, было для него выше всякого рассуждения, как и то, что именно этот высокий двуногий зверь был причиной всего. Его маленькие глазки сверкали и готовы были выскочить из орбит. Он удивлялся, почему его мать не встанет сейчас на дыбы и не задаст хорошей встрепки этому врагу. Испуганный до последней крайности, он готов уже был слезть с дерева и бежать к матери, чтобы ее разбудить, но ни один мускул на ее крупном теле не двигался и к тому же около нее стоял, наклонившись, Чаллонер и оглядывал ее. Она точно окаменела.

Чаллонер даже покраснел от удовольствия. Правда, он стал убийцей, но по нужде. Он смотрел на роскошную шубу Нузак и на такое большое количество ее мяса, которого хватило бы для него на

всю дорогу до самого дома. Он приставил винтовку к стволу дерева и стал разыскивать глазами медвежонка. Он знал повадки диких зверей и потому был уверен, что зверек находится где-нибудь поблизости от матери; поэтому он стал обшаривать ближайшие кустарники и оглядывать вершины деревьев.

Нива сидел, свернувшись, как шарик, на самой вершине, спрятавшись за густыми ветвями. Целые полчаса Чаллонер безуспешно разыскивал его, а затем махнул рукой и, решив заняться препарированием Нузак, пошел к ручью попить воды.

Как только он отошел, Нива тот час же высунул свою голову из засады. Выждав несколько минут, он сполз с кедра на землю. Он жалобно позвал к себе мать, но та не двинулась. Тогда он подошел к ней сам и стал около ее неподвижной головы, нюхая отравленный запахом человека воздух. Затем он стал тыкаться носиком в ее щеки, подсовывать его ей под шею и, наконец, стал дергать ее за ухо — его обычная манера ее будить. Но все это ставило его в тупик. Тогда он горько заплакал, взобрался к матери на мягкое тело и уселся на нем. Сперва в его плаче звучала какая-то странная нота, а потом он не выдержал и изо всех сил зарыдал так, как рыдает обыкновенно только человеческий ребенок.

Возвращаясь назад, Чаллонер услышал этот плач, и что-то вдруг больно отозвалось в его сердце и смутило его. Да, это был совсем детский плач! Плач ребенка, лишившегося матери.

Спрятавшись за карликовую сосну, он стал глядеть оттуда на Нузак и увидел, что Нива все еще сидит на спине у матери. Он убил на своем веку много разных зверей, так как убивать их составляло его профессию, как и выменивать шкуры зверей, убитых другими. Но он не видел раньше ничего подобного и почувствовал себя действительно виноватым.

— Мне жалко тебя... — прошептал он. — Бедняжка!.. Мне тебя жаль!

Это звучало почти просьбой о прощении. Но кончать дело все-таки надо было. Так тихо, что Нива не мог услышать, он подполз к нему против ветра и подкрался к нему сзади. Он был от него всего в каких-нибудь полутора саженьях, когда Нива понял наконец опасность. Но было уже поздно. Быстрым скачком Чаллонер уже был около него и

прежде, чем Нива успел оставить спину матери, он накинул на него мешок.

За всю свою жизнь Чаллонер не испытывал более забавных пяти минут, как те, которые последовали вслед за этим. Несмотря на все свое горе и весь свой страх, Нива вдруг почувствовал, как в нем заговорила драчливая кровь его отца. Он стал царапаться, кусаться, лягаться и рычать. За эти пять минут в нем перебивало сразу пять дьяволят, и пока Чаллонер обвязывал ему шею веревкой и вталкивал его толстенькое тело к себе в мешок, все руки у него были искусаны и исцарапаны во многих местах.

Нива продолжал биться и в мешке до тех пор, пока не выбился наконец из сил и не перестал. А тем временем Чаллонер снимал с Нузак шкуру и срезал те куски мяса и жира, которые казались ему наиболее пригодными. Красота шкуры Нузак заставила заблестеть его глаза. Он завернул в нее куски мяса и жир, сложил ее за четыре угла так, как обыкновенно пеленают ребенка, привязал к ней ремни и перекинул их через плечи. Согнувшись под тяжестью полутора пудов, которые весили шкура и мясо, он взял свое ружье и Ниву. Было уже около полудня, когда он отправился в путь. А когда он добрался наконец до своего лагеря, то солнце уже садилось. Буквально всю дорогу, пока не осталось всего только какой-нибудь полумили до дома, Нива сражался, как Спартак.

Под конец он обессилел и лежал в мешке почти без признаков жизни и когда, почуяв что-то подозрительное, Мики подошел к его тюрьме, то он ни одним движением не выказал протеста. Теперь для него смешались уже все запахи, и он уже не различал никаких звуков. Чаллонер же едва доплелся до дому. Все кости и мускулы у него болели. Но на вспотевшем и загорелом лице все-таки светила гордость.

— Ах ты, храбрец! — сказал он, глядя на лежавший спокойно мешок и вытряхивая свою трубку, первую с самого полудня. — Бедовый ты чертенок!

Он привязал конец веревки от шеи Нивы к дереву и стал осторожно высвобождать его из мешка. Затем он вывалил его на землю и отошел несколько назад.

Теперь уже Нива был готов на любое перемирие по усмотрению Чаллонера. Но не его первого увидел он, вывалившись из мешка. Он

увидел Мики! А Мики, вне себя от любопытства, вертелся тут же своим неуклюжим телом и так и знал по запаху заранее, что это непременно должен быть какой-нибудь интересный гость.

Глазки Нивы засверкали. Ну а этот неуклюжий, карнаухий отпрыск из клевретов человека-зверя был тоже его врагом, да? Эти неловкие извивы тела этого нового существа и помахивание хвостом, точно палкой, тоже были вызовом на бой? Он так думал. Во всяком случае, это существо было одинакового с ним роста. И в мгновение ока, насколько позволила ему веревка, он бросился на щенка. Мики, который за момент до этого только лез к нему со своими дружбой и лаской, тотчас же был ниспровергнут на спину, его забавные лапы задрыгали в воздухе, и его жалобные вопли о помощи скоро превратились в дикий вой, невыносимым страданием огласивший золотую тишину начинавшегося вечера.

Чаллонера это поразило. В следующий за тем момент он хотел было развести маленьких забияк, но что-то такое произошло, что остановило его. Стоя прямо над Мики, который поднял кверху все четыре свои лапы, точно признавая себя уже побежденным, Нива медленно отвел свои зубы от нежной кожи щенка. На этот раз он увидал перед собою уже двуногого зверя — Чаллонера. Инстинкт, более тонкий, чем не окрепший еще рассудок, заставил его на некоторое время сдержаться и устремить свои круглые, как бусы, глазки на Чаллонера. А между тем Мики все еще продолжал болтать в воздухе ногами; он умоляюще скулил; его твердый хвост стучал по земле, точно это была просьба о пощаде; он облизывался и извивался, точно хотел этим убедить Ниву, что он даже и намерения не имел причинить ему хоть какую-нибудь неприятность. А Нива, уставившись на Чаллонера, презрительно ворчал. Затем он, не спеша, сполз с Мики. А щенок, все еще боясь тронуться с места, продолжал лежать на спине и дрыгать в воздухе ногами.

С выражением удивления на лице Чаллонер очень медленно отправился к палатке, вошел в нее и стал наблюдать оттуда сквозь дырочку в полотне.

Выражение злобы вдруг сошло с мордочки у Нивы. Он посмотрел на щенка. Быть может, в каком-нибудь отдаленном уголке его мозга наследственный инстинкт подсказал ему, что он мог потерять в щенке то, чего был лишен, благодаря отсутствию еще не родившихся братьев

и сестер, — а именно друга детства, компаньона в детских играх. И Мики, со своей стороны, почуял перемену, сразу происшедшую в этом маленьком, черном, озлобившемся существе, которое только что было его врагом. И он радостно заработал своим хвостом и протянул к Ниве передние лапы. А затем, все еще опасаясь возможной случайности, он завертелся около его бока. Нива все еще не шевелился. Мики радостно стал прыгать.

А минутой позже, глядя сквозь дырочку в своей палатке, Чаллонер уже видел, что они стали осторожно обнюхивать друг у друга носы.

Глава IV

В эту ночь шел холодный мелкий дождь, надвинувшийся с северо-востока. Встав с туманной зарей, Чаллонер вышел, чтобы разжечь костер, и под ветками ели увидел Мики и Ниву. Оба тесно прижались один к другому и крепко спали.

Первым увидал человека медвежонок, и, прежде чем мог вскочить и щенок, Нива уже устремил свои сверкавшие глазки на этого странного врага, который так жестоко перевернул всю его жизнь. Изнурение от пережитого заставило его проспать столько часов подряд в эту первую ночь его плена, а во сне он позабыл о многом. Но теперь он снова вспомнил обо всем и, забившись еще глубже под ветви ели, стал плакать о своей матери так тихо, что его мог слышать только один Мики.

Мики же сразу чуть не завыл: он медленно развернулся из клубочка, свернувшись в который лежал, потянулся на своих длинных, переросших ногах и зевнул так громко, что звук от этого зевка дошел даже до Чаллонера. Он обернулся и увидел пару глаз, устремленных на него из лазейки под ветвями ели. Щенок насторожил оба свои уха — и целое, и половинку другого, — точно с безграничной радостью хотел убедить своего хозяина, что он предан ему бесконечно, до гробовой доски. Мокрое от дождя и загоревшее от бурь и ветра в течение целых четырнадцати месяцев, проведенных на дальнем севере, лицо Чаллонера, точно в ответ на это приветствие Мики, осветилось улыбкой, и щенок завертелся, завилял хвостом, запрыгал, стараясь в

самых причудливых судорогах выразить, как он счастлив, что хозяин улыбнулся именно ему.

Когда таким образом все убежище под ветками освободилось для одного только Нивы, то он забился в самую глубину его, так что была видна оттуда только одна его круглая голова, и из этой своей временной засады он стал пристально глядеть своими яркими маленькими глазками на убийцу своей матери.

Живо представилась ему вся вчерашняя трагедия — теплое, залитое солнцем русло речки, в которой он и его мать Нузак ловили себе на завтрак раков, появление этого двуногого зверя, гул от странного грома, их бегство в лес и конец всему, когда его мать повернулась лицом к лицу к своему врагу. И не о смерти матери он вспомнил с такую горечью в это утро. Ему пришли на ум его собственная ужасная борьба с этим белым человеком и затем барахтанье в темных, душных глубинах мешка, в котором Чаллонер нес его к себе на стоянку. Даже и теперь еще Чаллонер сколько угодно может посматривать на царапины на своих руках! И ему тоже досталось на орехи! Вот он приблизился на несколько шагов и весело взглянул на Ниву, так же весело и добродушно, как только что глядел на этого угловатого щенка Мики.

Глазки Нивы метнули искры.

— Я же говорил тебе вчера, что сожалею о том, что произошло, — сказал Чаллонер таким тоном, точно разговаривал с равным себе.

В некоторых отношениях Чаллонер представлял собою необыкновенного человека, совершенно необычный тип на далеком севере. Он, например, верил в своего рода специальную психологию животного и вполне допускал, что если с животными обращаться и разговаривать, как с людьми, то всегда легко бывает добиться от них настоящего понимания, которое он, будучи не совсем образованным человеком, считал за разум.

— Я ведь говорил тебе, что мне жаль, — повторил он, опустившись на корточки перед ветками, из-под которых светились глазки Нивы, — и я это признаю. Мне грустно, что я убил твою мать. Но ведь нужны же нам с Мики мясо и жир? Кроме того, и я и Мики очень довольны, что ты теперь у нас. Мы повезем тебя с собой к некой девице, и если ты не добьешься от нее любви, то, значит, ты самое ничтожное и глупое создание в мире и вовсе не заслуживаешь матери. Ты и Мики

будете как братья. Его мать тоже умерла, скончалась от чахотки, а это, братец, похуже, чем смерть от пули, попавшей в легкие. Мики я нашел так же, как и тебя; он прижался к своей матери и плакал так, точно для него ничего уж больше и не оставалось на свете. Поэтому развеселись хоть немного и давай лапу! Ну, совершим рукопожатие!

Чаллонер протянул к медвежонку руку. Нива не двинулся и лежал, как камень. Немного раньше он заворчал бы и оскалил бы зубы. Но теперь он уже притих. Какое странное существо сидело перед ним на корточках! Вчера оно не причинило ему вреда, если не считать того, что сунуло его в мешок. И сейчас не собирается обижать его. Даже более. его тон не груб и не угрожает. Вот он перевел глаза на Мики. Щенок засуетился во все стороны около его коленей и с удивлением посмотрел на Ниву, точно хотел задать ему вопрос: «Почему ты не вылезашь из-под веток и не желаешь с нами позавтракать?»

Чаллонер протянул руку еще ближе, и Нива все время пятился от нее назад, пока наконец стало уже некуда. Затем вдруг случилось чудо, рука двуногого зверя коснулась его головы. И Нива почувствовал, что его передернула от этого какая-то странная, неприятная дрожь. Но рука все-таки не причинила ему вреда. Если бы он сам не забился так глубоко, то, наверное, царапнул бы ее или укусил бы. Но он не смог сделать ни того ни другого.

Чаллонер стал медленно перебирать пальцами в пушистой шерстке на затылке у Нивы. Заподозрив, что должно было случиться что-то неожиданное, Мики насторожился. Вслед за тем пальцы Чаллонера вдруг сжались, и в ту же минуту он потянул Ниву к себе и стал держать его от себя на расстоянии вытянутой руки. Медвежонок забился, стал высвобождаться и так завизжал, что из искренней симпатии к нему Мики тоже возвысил свой голос и присоединился к какофонии. Полминуты спустя Чаллонер опять посадил Ниву в мешок, но на этот раз так, что голова медвежонка выходила из него наружу, и завязал этот мешок туго вокруг его шеи очень прочной, крученой бечевкой. Таким образом, три четверти Нивы оказались в мешке, а голова вылезала наружу: Нива походил теперь на спеленатого ребенка.

Оставив медвежонка кататься и выражать свои протесты визгом, Чаллонер принялся за приготовление завтрака. Последствия показали Мики более интересными, чем сама операция, произведенная его хозяином, и потому он стал носиться вокруг Нивы,

который бился в мешке изо всех своих сил, стараясь из простой симпатии оказать ему хоть какую-нибудь помощь. Но под конец Нива примирился, и Мики уселся около него и с серьезным видом, если не с упреком, стал смотреть на своего хозяина.

Серое небо прояснилось и пообещало послать солнечные лучи, когда Чаллонер уже окончательно собрался возобновить свое путешествие на юг. Он стал нагружать свою лодку, оставив Ниву и Мики на самый последок. На носу в лодке он устроил мягкое, уютное гнездышко из шкуры медведицы. Затем он подозвал к себе Мики и привязал к его шее один конец веревки, а другой обмотал вокруг шеи Нивы. Таким образом, щенок и медвежонок оказались на привязи один у другого на пространстве всего только одного аршина. Взяв затем эту парочку за шиворот, он отнес ее на лодку и поместил в гнездо из шкуры Нузак.

— Ну, ребята, теперь будьте умниками! — сказал он. — Нам нужно сегодня сделать целые сорок миль, чтобы наверстать время, потерянное вчера!

И как только лодка отплыла, облака прорвались, и с востока прыснул на них солнечный луч.

Глава V

В течение первых минут, пока лодка быстро скользила по поверхности озера, странная перемена вдруг произошла в Ниве. Чаллонер не заметил ее, да и Мики ее не понял. Но в Ниве дрожал каждый фибр, и сердце его затрепетало от радости, как и в те солнечные дни, когда он гулял вместе со своей матерью. Ему показалось, что к нему вернулось все, что он потерял, и что теперь все будет обстоять как нельзя лучше, потому что он почуял свою мать! А затем он вдруг открыл, что этот теплый и сильный запах исходил от черной шкуры, на которой он сидел, и постарался прижаться к ней поплотнее. Он лег прямо на живот, протянул перед собою передние лапы, положил на них голову и устался на Чаллонера.

Ему трудно было понять, почему здесь сидел на корме этот человек-зверь и гнал свою лодку по воде и почему именно под ним, медвежонком, находилась сейчас его мать, теплая и мягкая, но

совершенно недвижимая. Он не удержался и завыл, чтобы низким, полным отчаяния голосом позвать к себе мать. Но ответа не последовало, и только завыл, в свою очередь, Мики — тоже осиротевшее дитя другой матери. А мать Нивы все еще не двигалась. Даже не издала звука. Кроме черной, пушистой ее шкуры без головы, без ног, без больших, плоских ступней, которые он так любил щекотать, и без ушей, за которые он так любил дергать, он не видел ничего. От нее не осталось ничего, кроме этой обрезанной со всех сторон шкуры и запаха.

Но удобство помещения согрело его испуганную маленькую душу. Он чувствовал покровительственную близость непобедимой и ограждавшей его силы, и в первый раз за все время его спина взъерошилась от теплого солнечного света, и он протянул еще дальше передние лапы и уткнулся между ними черным носиком в мех матери. Точно потеряв всякую надежду разрешить тайну своего нового друга, Мики также положил морду между передними лапами и стал пристально за ним наблюдать. В его комичной голове с одним длинным ухом, а другим вдвое короче, с нелепыми, торчавшими в разные стороны бакенбардами, унаследованными им от его эрдельских предков, он старался прийти хоть к какому-нибудь решению. С самой первой же минуты он встретил Ниву как друга и сверстника, — и Нива неблагодарно отплатил ему за это его отношение здоровой трепкой. Мики мог это простить и даже забыть. Но чего он не мог ему простить ни за какие коврижки, так это крайне злобных взглядов, которыми обливал его Нива. Его шутовские заигрывания не производили на него ровно никакого впечатления. Когда он лаял на него и прыгал вокруг него, ползая на животе и извиваясь, как змея, с любезным приглашением поиграть с ним в пятнашки или устроить примерную борьбу, то Нива смотрел на него, ничего не понимая, как дурак. И он задавал себе вопрос: быть может, Ниве нравится что-нибудь еще, кроме борьбы? Прошло много времени, прежде чем он решил попробовать сделать что-нибудь в другом направлении.

Было, по его мнению, столько времени, сколько могло пройти от завтрака до половины пути к обеду.

Все это время Нива едва шевелился, и Мики с ним стало скучно до смерти. Неудобства, пережитые от бури за истекшую ночь, уже были забыты, и над головой сияло солнце, не скрываемое ни малейшим

облачком. Уже более часа тому назад лодка Чаллонера оставила озеро и теперь вошла в прозрачную, быструю реку, которая бежала из этого озера на юг в водоразделе между Джексонovým Коленом и Шаматтавой. Эта река была еще незнакома Чаллонеру. Она питалась водою из озера, и, опасаясь предательских порогов и быстрин, он все время держал себя начеку. Целых полчаса река текла все быстрее и быстрее, и Чаллонер был доволен тем, что ему удастся совершить переезд скорее, чем он предполагал. Но немного позднее он вдруг слышал долетевший до него спереди низкий и непрерывный шум, который дал ему понять, что он приближался к опасным местам. Когда он миновал ближайший поворот, круто опоясывавший берег, то в четырехстах или пятистах ярдах ниже увидел перед собою торчавшую из воды скалу и около нее целый водоворот.

Глаз его быстро определил положение. Поток устремлялся между почти отвесно нависшим берегом с одной стороны и дремучим лесом с другой. Одним взглядом он определил, что проплыть под лесом для него будет удобнее, чем под скалой, но лес находился от него на противоположной стороне и сравнительно далеко. Поставив лодку под углом в 45°, он изо всех сил приналег и телом и руками на весла. Еще оставалось время добраться до противоположного берега раньше, чем начнутся опасные места. Несмотря на шум от течения, теперь он мог отлично слышать доносившийся до него рев водопада снизу.

Тут, не в добрый час, Мики пришло в голову еще раз попытаться поближе сойтись с Нивой. Он дружески замахнулся на него лапой. Для щенка лапа Мики была несоразмерно велика, а самая нога — длинна и худощава, так что когда он зацепил ею Ниву за нос, то это походило на удар в боксе. Неожиданность этого удара повлекла за собою решительную перемену в положении; вдобавок Мики размахнулся и второй передней лапой и, точно палкой, хватил ею Ниву по самому глазу. Это было уже слишком, даже со стороны друга, и, внезапно заворчав, Нива выскочил из своего гнезда и сцепился со щенком.

Теперь случилось как раз наоборот: так унижительно просивший пощады во время первой схватки Мики оказался в самом воинственном настроении. Помесь макензийской породы, высоконогой, широкогрудой и самой сильной на севере, с полукровкой от эрделя и шпица должна была в чем-нибудь сказаться. И вот, всегда добродушный, Мики вдруг превратился в дьявола. На этот раз он уже

не просил о пощаде. Он принял вызов Нивы, и не прошло и двух секунд, как они уже затеяли первоклассный поединок на маленьком, ненадежном пространстве на носу утлой ладьи.

Напрасно кричал на них Чаллонер, выбиваясь из сил, чтобы избежать опасных порогов. Нива и Мики были слишком заняты собой, чтобы его слышать. Опять все четыре ноги Мики задргали в воздухе, но на этот раз его острые зубы крепко впились в шею Ниве. Он продолжал дрыгать и бить ногами так, что можно было поручиться, что от Нивы не осталось бы и мокрого места, если бы не случилось то, чего так опасался Чаллонер. Сцепившись вместе в один комок, они прямо с носа лодки свалились в самую быстрину реки.

Около десяти секунд они безнадежно провели под водой. Затем они оказались на поверхности в добрых пятидесяти футах ниже его, прижавшись друг к другу головами, и их быстро относило к тому месту, где их ожидала неминуемая гибель. Чаллонер кричал изо всех сил. Для него было невозможно спасти их, и в его крике слышались ноты настоящего, острого горя, потому что вот уже несколько недель Мики был для него единственным другом и товарищем.

Привязанные один к другому веревкой всего только в один аршин длиной, Мики и Нива плыли прямо к пенившемуся водовороту порогов. Для Мики это было прямо счастьем, что его хозяину пришлось в голову привязать его на одну и ту же веревку с Нивой. Будучи трех месяцев, Мики состоял из восьмидесяти частей костей и всего только одной части жиров и весил целых четырнадцать фунтов, тогда как в Ниве было девяносто частей жиров, и он весил всего тринадцать фунтов. Поэтому для Мики Нива оказался спасательным кругом, и ему было за что уцепиться, тогда как сам Нива был первоклассным пловцом и почти не погружался в воду.

Ни тот ни другой из юнцов не оказались желторотыми птенцами. Оба были в воинственном настроении и готовы были бороться, и хотя Мики и пробыл под водой большую часть времени, пока они плыли свои сто ярдов после первого падения в воду, однако он ни на одну минуту не сдавался в борьбе за то, чтобы иметь возможность высунуть нос на воздух. То он поворачивался на спину, то на живот; но какое бы он ни принимал положение, он работал своими лапами, как веслами. На некотором пространстве это очень помогало Ниве в его героических усилиях удержаться от слишком быстрого движения по

воде самому. Если бы он был один, то его бы понесло течением, как мяч, покрытый шерстью, прямо в быстрину, но с четырнадцатифунтовым грузом на шее не пойти ко дну было для него тоже очень серьезной задачей. Раз шесть он скрывался на некоторое время под водой, когда Мики терял равновесие или что-нибудь из его тела — хвост, голова или ноги — вдруг начинало тянуть его книзу. Но каждый раз Нива всплывал на поверхность, всеми четырьмя жирными лапами борясь за жизнь.

Но вот уже приблизился и водопад. К этому времени Мики уже перестал появляться над водой и, к своему счастью, уже не чувствовал в полной мере ужаса перед новым потоком, в который они должны были неизбежно низвергнуться. Его лапы уже больше не работали. Он еще ощущал в своих ушах рев от воды, но все теперь как-то смещалось и стало казаться ему менее неприятным, чем вначале. Попросту — он стал утонуть. Но Нива никоим образом не соглашался предаваться приятным ощущениям безболезненной смерти. И когда наступал самый финал катастрофы, то ни один медвежонок во всем свете не мог бы оказаться так настороже, как он. Все время его голова держалась над водой, и он определенно владел всеми своими чувствами. А затем вдруг сама река как-то выскользнула из-под него, и он ринулся вниз с массой воды, уже больше не чувствуя на своей шее тяжести от веса Мики.

Какова была высота водопада, Чаллонер мог только догадываться. Если бы самого Ниву спросили об этом, то он мог бы поклясться, что летел вниз целую милю. Мики же уже не был способен ни на какие вычисления, и для него теперь было уже все равно: летел ли он вниз всего только два фута или целые две версты. Его лапы уже перестали работать, и он окончательно предоставил себя своей судьбе. Но Нива выплыл на поверхность снова, и Мики последовал за ним, как поплавок. Он уже был готов испустить свой последний вздох, когда силою течения, рикошетом отдавшегося от водопада, Ниву отбросило на край слегка залитого водой песчаного наноса. Сделав дикое, геройское усилие, Нива вытащил за голову и Мики, так что щенок повис на краю отмели, как висельник на конце своей веревки.

Глава VI

Отчаянным прыжком Нива выскочил на берег. Почувствовав под собою землю, он хотел было бежать, но в результате оказалось то, что Мики едва имел силы пройти по топкому месту два шага и затем, вдохнув в себя глубоко воздух, растянулся, как громадная улитка. Поняв, что его приятель в течение нескольких минут будет еще совершенно не способен продолжать путь, Нива отряхнулся и стал ждать. Но Мики быстро пришел в себя. Не прошло и пяти минут, как он встал на ноги и так бешено встряхнулся, что всего Ниву обдал грязью и водой.

Останься они на этом месте еще подольше — и все равно, через час или около того, их нашел бы здесь Чаллонер, потому что он уже греб окольными путями как раз к этому месту, держась около самого берега и приглядываясь, не всплывут ли их трупы. Возможно, что унаследованные от целого ряда поколений инстинкты предостерегли Ниву от возможности этой встречи, потому что не прошло и четверти часа после того, как они спаслись, как он уже тянул Мики прямо в лес, и тот послушно за ним следовал. Для щенка это было новым приключением.

Но Нива испытывал истинное наслаждение. Лес казался ему своим домом даже и без матери. После его безумных походов с Мики и с человеком-зверем прикосновение ступнями к мягкому бархатному ковру из сосновой хвои и знакомые запахи молчаливых глубин леса наполняли его все возрастающей радостью. Он опять был у себя дома. Он нюхал воздух, настораживал уши и дрожал от воодушевлявшего его сознания того, что теперь уж он будет сам себе хозяином. Это был для него новый лес, но это его мало беспокоило. Все леса были похожи один на другой; его царство составляли сотни тысяч миль вокруг него, и отличать каждый из них отдельно было для него невозможно.

Для Мики же дело обстояло совсем иначе. Он не только сознавал, что все далее и далее отходит от Чаллонера и от реки, но его все более и более приводило в смущение то, что Нива заводил его во мрак и таинственные глубины дремучего леса. Наконец он решил заявить определенный протест и, чтобы выполнить это, так неожиданно вдруг сдал назад, что Нива, бежавший на другом конце веревки, в крайнем удивлении перевернулся на спину. Воспользовавшись своим положением, Мики с энергией лошади потянул его назад к реке и так

протянул его футов десять или пятнадцать, пока наконец медвежонок не успел снова встать на ноги.

Тогда началась борьба, кто кого перетянет. Повернувшись друг к другу задом и упершись передними лапами в мягкую землю, они стали растягивать веревку в противоположные стороны, пока не вытянулись у них шеи и глаза не выскочили на лоб. Нива тянул настойчивее и спокойнее, в то время как Мики, будучи собакой, то рвался вперед, то делал неожиданные судорожные отступления назад, давая этим Ниве возможность с каждым таким отступлением продвинуться хоть немного вперед. Но как бы то ни было, а вопрос в конечном результате должен был решиться так; тот будет победителем, у кого окажется крепче шея. У Нивы шея была жирная, да, кроме того, и силенки было больше. Но и Мики был тоже не дурак. В нем самом и в его длинных костях было достаточно точек приложения, чтобы иметь возможность тянуть, как на рычагах. И, протаскив Ниву еще футов двенадцать, Мики принудил его наконец к сдаче, и медвежонок в конце концов должен был последовать по тому направлению, которое выбрал Мики.

В то время как инстинкты Нивы могли бы сразу, одним махом, довести его обратно до реки, намерения Мики оказались лучшими, чем его чувство ориентации. Нива следовал за ним совершенно равнодушно, когда вдруг увидел, что его приятель делает какие-то совершенно ненужные круги, которые медленно, но верно удаляли их в противоположную сторону от опасной реки. Кончилось тем, что не прошло и четверти часа, как Мики окончательно сбился с дороги; он сел на задние лапы, посмотрел на Ниву и сознался в этом низким воем.

Нива застыл на месте. Его маленькие зоркие глаза вдруг увидели какой-то предмет, свешивавшийся в каких-нибудь пяти шагах от них с невысокого куста. Прежде чем познакомиться со зверем в образе человека, медвежонок три четверти своего времени проводил в еде, а тут с самого вчерашнего утра ему пришлось съесть одного только жука. Желудок его был совершенно пуст, и то, что свешивалось теперь с куста, заставляло его от удовольствия глотать обильно появившуюся слюну. Это было осиное гнездо. Несмотря на свою еще такую недолгую жизнь, он уже несколько раз видел, как его мать Нузак подкрадывалась к таким гнездам, срывала их с веток, раздавливала их лапой и приглашала его позавтракать вместе с нею дохлыми осами. Весь последний месяц осы беспрерывно включались в их каждодневное

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ